

Советские профсоюзы в 1930-е годы: формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

В.И. Исаев

УДК 331.105.441

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-205-219

Аннотация. Статья является продолжением ретроспективного анализа положения профсоюзов в советском обществе в начале XX века, начатого автором в «ЭКО» № 4 за 2021 г. Рассматривается развитие советских профсоюзов в 1930-е гг. Прослеживаются изменения в их численности, охвате профсоюзным членством работающих на предприятиях и учреждениях СССР. Показано формирование профсоюзного актива, выделение слоя платных работников, составивших часть партийно-государственной номенклатуры. Отмечается постепенное отчуждение рядовых членов от профсоюзной элиты, наиболее ярко выражившееся в кризисных явлениях середины тридцатых годов. Сделаны выводы, что в течение исследуемого периода происходил процесс превращения профсоюзных организаций в подчиненную партийному аппарату часть государственного механизма СССР. Огосударствление профсоюзов привело к потере ими реальных возможностей выступать в качестве посредника между работником и работодателем в лице государства и утрате функции защиты интересов работников.

Ключевые слова: профсоюзы; советское государство; СССР; профсоюзный актив;
платные работники профсоюзного аппарата;
партийно-государственная номенклатура

Введение

В российском обществе и в академической науке не утихают споры о причинах развала СССР и жизнеспособности советской модели общественного устройства. Одним из важнейших институтов организации и управления экономики и общественно-политической жизни в ту эпоху были профсоюзы. Изучение их эволюции в советской модели социализма поможет найти ответ на многие острые вопросы. В частности, понять, почему уровень жизни советских людей так значительно отставал от уровня жизни в развитых капиталистических странах, что и стало одной из ключевых причин разочарования в социализме. Развитию профсоюзного движения в 1920-е гг. посвящена была предыдущая статья автора в «ЭКО» [Исаев, 2021]. Здесь подробнее рассмотрим период 1930-х, ставший временем становления и утверждения того общественного устройства, которое с некоторыми изменениями, но не меняя сути, продолжало существовать и к концу XX века.

Цель статьи – рассмотреть развитие советских профсоюзов в 1930-е гг. с точки зрения изменений в их численности, положении в государстве и обществе, охвате работающих профсоюзным членством. Особое внимание уделено изменениям в структуре профсоюзного аппарата, формированию профсоюзной номенклатуры и взаимоотношениям ее с рабочими массами. В качестве источников использованы, прежде всего, документы и статистика профсоюзов, обобщенная в справочниках ВЦСПС, ЦСУ СССР, и другие материалы исследуемого периода.

Новые ориентиры профсоюзов

На рубеже 1920–1930-х гг. большевистской партией был взят курс на радикальную перестройку экономических и социальных отношений, ускоренное строительство социализма. Победа сталинской линии в определении курса страны, ужесточение тоталитарных тенденций в развитии государства и общества в процессе перехода к строительству социализма обусловили серьезные изменения роли и места профсоюзов в общественно-политической системе СССР.

Задачи профсоюзов в условиях форсированной индустриализации и коллективизации стали предметом обсуждения на XVI съезде ВКП(б), проходившем с 26 июня по 13 июля 1930 г. Съезд в резолюции «О задачах профсоюзов в реконструктивный период» потребовал от профсоюзных организаций активного участия в работе государственного аппарата, в составлении хозяйственных планов, в выполнении заданий первой пятилетки, укреплении трудовой дисциплины, нормировании труда и заработной платы, подготовке специалистов¹. Очевидно, что при таком подходе главными для профсоюзов становились вовсе не задачи защиты интересов работников от работодателя-государства, а задачи организации и совершенствования производственного процесса.

На съезде продолжилось разоблачение и осуждение «правого уклона» в партии, сторонники которого (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и М.П. Томский и их последователи) выступали против жесткой правительственной политики в отношении крестьянства (реквизиции продовольствия, насильственные хлебные займы, раскулачивание середняков и пр.), а в профсоюзном движении (М.П. Томский был председателем ВЦСПС с 2019 по 2029 гг.) на первый план выдвигали защитные функции. Перед профсоюзными организациями была поставлена задача очистить свои ряды от представителей «правооппортунистической» оппозиции. Однако ее выполнение осложнялось тем, что существование оппозиции в профсоюзах никоим образом не оформлялось и по большому счету почти не проявлялось, хотя среди рабочих уже шли разговоры о том, что профсоюзы слабо отстаивают их интересы. Поэтому критерии «очищения» профсоюзов могли оказаться совершенно надуманными и произвольными.

Свою лепту в продолжившуюся на съезде ВКП(б) критику «бухаринско-рыковской оппозиции», а также ее реальных, но в большей степени предполагаемых сторонников, внес новый лидер профсоюзов, первый секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник. Выступая на съезде, он заявил: «Оппортунистическая руководящая группа старого состава ВЦСПС не только не оказалась способной понять задачи в реконструктивный период и вытекающие из них задачи профдвижения, но и оказала сопротивление партии в перестройке работы профсоюзов и устраниении их крупнейших недостатков» (Цит. по: [Носач, Зверева, 2007. С. 56]). Тезис о якобы имевшем место сопротивлении руководства ВЦСПС генеральной линии партии потребовался Швернику, чтобы подвести основания для чистки профсоюзного аппарата от работников, каким-либо образом связанных с Томским или даже замеченных в сочувствии прежнему руководителю ВЦСПС.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 5. М., 1984. С. 171–184.

Советские профсоюзы в 1930-е годы: формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

Об основной функции профсоюзов – защите интересов трудящихся – в материалах партийного съезда практически нет упоминаний. На этом основании можно сделать вывод, что в ориентирах деятельности профсоюзов в 1930-е гг. по существу возрождался тот самый «хозяйственный уклон», который партия на словах осудила в середине предшествующего десятилетия, на XIV съезде ВКП(б), но фактически сама же поощряла [Лобок, 2007. С. 175–176].

Профсоюзы взяли курс на вовлечение в свои ряды всех работающих, но достичь стопроцентного охвата им долгое время не удавалось. В течение предыдущего десятилетия более весомый статус члена профсоюза в совокупности с некоторыми преференциями по сравнению с «неорганизованной» массой способствовал росту численности профсоюзов, поддержанию высокого охвата работающих профсоюзным членством. Однако в годы первой пятилетки резкое увеличение числа занятых в народном хозяйстве СССР, обусловленное развертыванием индустриализации, в сочетании с высокой текучестью кадров привели к существенному снижению охвата трудящихся профсоюзным членством. Если в 1928 г. в численности занятых на предприятиях и в учреждениях СССР члены профсоюзов составляли 91%, то к 1931 г. вне профсоюзов оказалось более четверти работников.

По данным статистического сектора ВЦСПС на 1 апреля 1931 г., численность всех работников на предприятиях и в учреждениях СССР составляла 17052 тыс. чел., но из них в профсоюзы входило только 12 531,4 тыс., или 73,5%. При этом общая численность профсоюзов достигала 13 562 тыс. чел., так как они включали большую часть учащихся профессиональных учебных заведений – от школ фабрично-заводского ученичества до техникумов и вузов³. К 1 октября 1931 г., согласно информации ЦСУ СССР, охват работающих профсоюзным членством еще сильнее снизился и находился на уровне 69,7%⁴. Однако к концу 1932 г. доля членов профсоюзов среди трудящихся увеличилась до 74%: из 22 598 тыс. занятых в народном хозяйстве в профсоюзах состояло 16 691 тыс. чел⁵.

Разница между членами профсоюзов и «неорганизованными» работниками не должна была быть существенной. Согласно общим принципам профсоюзного движения, первичные организации на предприятиях должны были в равной степени представлять и защищать интересы всех работающих. Формально эти принципы соблюдались, хотя в реальной жизни члены профсоюза получали некоторые преимущества. Например, с 1931 г. согласно инструкции ВЦСПС и наркомата труда СССР пособие по временной нетрудоспособности членам профсоюза стало выплачиваться в большем размере, чем «неорганизованным» работникам⁶. Мотивировалось это тем, что члены профсоюзов платят взносы, которые частично идут и в страховые фонды. В целом статус члена профсоюза рассматривался в обществе как признак полноценного советского гражданина.

² Профессиональные союзы СССР. 1926–1928. Отчет ВЦСПС к VIII съезду профессиональных союзов. М., 1928. С. 26.

³ ВЦСПС. Стат. справочник. Вып.2. М., 1935. С. 7.

⁴ Труд в СССР. Стат.справочник. М., 1936. С. 56.

⁵ Там же.

⁶ Материалы к отчету ВЦСПС 9-му съезду профсоюзов. М., 1932. С. 37.

Задачи на вторую пятилетку

Итоги развития профсоюзного движения в СССР за годы первой пятилетки и задачи на вторую пятилетку обсудил IX Всесоюзный съезд профсоюзов, состоявшийся 20–29 апреля 1932 г. Отметим, что со времени предыдущего съезда (1928 г.) прошло почти четыре года, что нарушало установленный порядок проводить профсоюзные съезды каждые два года. Численность профсоюзов к тому моменту достигла 17 769 тыс. чел., на съезде их представляли 1507 делегатов с решающим голосом (из которых 1140, или 76,1%, были коммунистами), и 463 – с совещательным⁷ [История профсоюзов..., 1977. С. 221]. Доля рабочих среди делегатов съезда составила 84,9%, однако значительная их часть находилась на профсоюзной и административно-управленческой работе. Для государственных и общественных организаций СССР такая статистическая уловка была привычной: для повышения представительства рабочих в составе аппарата или съезда все выдвиженцы и выходцы из этого класса, занимавшие какие-либо должности, продолжали при опросах и в анкетах причислять себя к рабочим.

Съезд сосредоточил свое внимание на задачах организации производства, повышения производительности труда, охвата членов профсоюза социалистическим соревнованием, укрепления трудовой дисциплины и т.п. В меньшей степени рассматривались вопросы защиты интересов работников – такой подход осуждался как проявление тред-юнионизма и наследие правооппортунистического руководства профсоюзами группой М.П. Томского.

Социально-экономическое положение рабочих к этому времени существенно ухудшилось: налицо были острый жилищный кризис и кризис снабжения, приведший к введению карточной системы; в целом уровень реальной заработной платы рабочих за годы первой пятилетки снизился почти на треть [Исаев, 1996. С. 52–56]. Однако выступавшие на съезде профработники старались обходить эти проблемы. Вопрос о праве рабочих на забастовки даже не поднимался, а реальные случаи протестов и волнений, среди которых наиболее ярким было прошедшее в первой половине апреля 1932 г. выступление ивановских рабочих, замалчивались или объявлялись происками троцкистов и «недобитых врагов советской власти» [Чураков, 2007. С. 269–271]. Таким образом, профсоюзный съезд убедительно показал народным массам, что в противостоянии интересов государства-работодателя и работников он находится явно не на стороне последних.

Суть происходивших в профсоюзах перемен очень точно выразил яростный критик сталинского курса М.Н. Рютин. В своем манифесте «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», с которым он попытался обратиться к партии и общественности в 1932 г., он констатировал, что профсоюзы переживают кризис, который является частью общего кризиса пролетарского государства в условиях установления режима личной власти И.В. Сталина. По оценке М.Н. Рютина, «профсоюзы из школы коммунизма превратились в школу надувательства масс, в школу самого бесстыдного игнорирования воли и настроений масс, в простой придаток того же партийного и хозяйственного аппарата... В настоящее время профсоюзы не только не защищают интересы рабочих, но, наоборот, являются послушным орудием в руках Сталина

⁷ ВЦСПС. Стат. справочник. Вып. 2. М., 1935. С. 5.

Советские профсоюзы в 1930-е годы: формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

по снижению реальной заработной платы и их материального жизненного уровня» [Рютин, 1992. С. 234].

Ведущей тенденцией развития профсоюзов в годы второй пятилетки оставалось их огосударствление, потеря самостоятельности как общественной организации. В условиях формирования в стране административно-командной системы управления существование независимых общественных организаций становилось практически невозможно. В той или иной форме все они оказывались встроены в государственный аппарат и подчинены руководящему и направляющему контролю со стороны коммунистической партии. Наиболее полно эта тенденция проявилась именно в деятельности профсоюзов.

Процесс дальнейшего превращения профсоюзов в часть партийно-государственного аппарата получил новый импульс после принятия совместного постановления ЦИК и СНК СССР и ВЦСПС от 23 июня 1933 г. «Об объединении НКТ СССР с ВЦСПС»⁸. В ходе передачи профсоюзам функций Наркомата труда (а с 1934 г. – еще и части функций ликвидированного Наркомата рабоче-крестьянской инспекции) значительно расширился круг вопросов, входивших в компетенцию профсоюзных органов, при этом возложение на них несвойственных им по природе функций отодвигало вопросы защиты интересов работников на самый дальний план.

В годы второй пятилетки происходило постепенное увеличение доли членов профсоюза среди тружеников. В первый год численность работников на предприятиях и в учреждениях немного снизилась (с 21 671 тыс. чел в 1932 г. до 20 132,4 тыс. в 1933 г.), но охват профсоюзным членством вырос с 76,4 до 78,8%. Число членов профсоюза (без учащихся) снизилось с 16 553,6 тыс. чел. до 15 725 тыс. чел⁹.

На 1 апреля 1934 г. из 21 244 тыс. работников предприятий и учреждений СССР в профсоюзах состояло 16 786 тыс.; охват профсоюзным членством вырос до 79,9%. На 1 апреля 1935 г. численность работающих превысила уровень 1932 г. и достигла 23 161 тыс. чел., из которых в профсоюзах находилось 18 475 тыс. Охват профсоюзным членством достиг 82%¹⁰. Тенденция вовлечения в профсоюзы всех работающих постепенно набирала силу (таблица).

Численность профсоюзов и их доля в составе занятых в СССР в 1930-е гг.

Показатель	1931	1932	1933	1934	1935	1937	1938
Численность работающих, тыс.чел.	17051,7	21671,1	20132,4	21245,1	23161,2	25337,2	26768,3
Членов профсоюзов	12531,4	16553,6	15725,6	16786	18477,8	20786,6	21671,7
Доля членов профсоюза, %	73,5,5	76,4	78,8	79,9	82	84,5	83,5

Источник. ВЦСПС. Стат. справочник. Вып.1. М.,1935. С. 5,7; ВЦСПС. Стат. справочник. 1938. Вып. 2. С. 16.

⁸ СЗ СССР. 1933. № 40. С. 476.

⁹ ВЦСПС. Стат. справочник. Вып.2. М.,1935. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 7.

Формирование профсоюзной номенклатуры

В течение 1930-х гг. происходили серьезные изменения в структуре профсоюзного аппарата. В феврале 1930 г. ВЦСПС принял решение выделять в составе профсоюзных организаций группы работников, занятых в составе какой-либо производственной единицы: бригады, участка, смены. Объединенные общностью производственных и бытовых задач работники создавали первичную ячейку профсоюза – профгруппу, во главе которой становился избранный на общем собрании группы профгруппорг. В профгруппе также избирались организаторы производственно-массовой, культурно-массовой, физкультурной работы, ответственный за охрану труда и страхование. Таким образом, численность профсоюзного актива многократно возрастила. В начале 1932 г. в стране насчитывалось 500 тыс. профгрупп; если учесть, что в каждой группе избиралось, как минимум, пять профсоюзных активистов, то в целом первичное звено профактива пополнилось не менее чем на 2,5 млн чел.

С созданием профгрупп отпадала необходимость иметь делегатское собрание как промежуточное звено между членами трудового коллектива и фабзавкомом. В марте 1933 г. ВЦСПС разослал на места типовое положение, в котором определялись задачи и функции профгруппы как первичного звена профсоюзной работы¹¹. Однако основную часть профсоюзной работы на предприятиях по-прежнему вели фабзавкомы и месткомы. В течение 1931–1932 гг. развернулась масштабная кампания по их переизбранию, к работе по проверке их деятельности было привлечено более 2 млн рабочих. В результате перевыборов состав ФЗМК обновился на 68%. Задачи их дальнейшей работы были определены в разработанном ВЦСПС типовом положении о фабзавкоме¹².

Важным нововведением в функционировании профсоюзов стало начавшееся в 1931 г. и продолжавшееся до конца десятилетия так называемое разукрупнение. С начала 1920-х гг. в СССР действовало 23 профессиональных союза, сформированных по отраслевому принципу: металлисты, текстильщики, железнодорожники и т.д. После прошедшего в 1930 г. разукрупнения хозяйственного аппарата возникла идея о проведении подобных мероприятий и в профсоюзах. Соответствующее решение было принято ВЦСПС в январе 1931 г.: на основе существовавших должны были организоваться 44 профессиональных союза. Реорганизация обосновывалась необходимостью приближения руководства профсоюзов к первичным организациям и более полного учета специфики той или иной отрасли.

В 1934 г. процесс был продолжен: вместо 47 существовавших к тому времени союзов было создано 154. Наряду с производственным в основу реорганизации был заложен принцип территориальной привязки союзов. Так, были созданы профсоюзные органы Юга, Центра, восточных районов, Сибири и Дальнего Востока. Дробление союзов вело к разобщению профдвижения, его региональной замкнутости. Распыление сил и кадров в конечном итоге приводило к ослаблению возможностей [Казаков, 1992. С. 95–96].

Значительная часть профсоюзного актива работала на общественных началах, однако наметился неоправданный рост числа платных работников. Поэтому одновременно

¹¹ Профсоюзы СССР: документы и материалы. Т. 2. М., 1963. С. 689–691.

¹² Там же. С. 745.

Советские профсоюзы в 1930-е годы: формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

с разукрупнением ставилась задача сокращения платного аппарата профсоюзов. Например, Западно-Сибирской краевой совет профсоюзов наметил в 1934 г. сократить количество платных работников наполовину [Казаков, 1992. С. 101]. В целом по профсоюзам СССР в 1934 г. их число уменьшилось на 36% [История профсоюзов..., 1977. С. 233]. Однако эффект от этого был недолгим. Через некоторое время количество платных профдеятелей вновь начало расти. Согласно докладу Центральной ревизионной комиссии на VI пленуме ВЦСПС (апрель–май 1937 г.) к 1937 г. количество платных работников в высших и средних звеньях профаппарата выросло на 11 тыс. чел., или на 25% к уровню 1934 г. Таким образом, общее количество работников, занятых на платной основе в руководящем аппарате профсоюзов, приближалось к 44 тыс. чел. [История профсоюзов..., 1977. С. 233]. Эта профсоюзная элита, состоявшая в основном из бывших рабочих, с успехом использовала профсоюзы в качестве социального лифта для продвижения в средний и высший слои номенклатуры.

В 1937 г. постановлением VI пленума ВЦСПС были ликвидированы областные и краевые межсоюзные органы – советы профсоюзов. Теперь каждая профорганизация контактировала только с ЦК своего союза. Это также способствовало раздроблению профсоюзного движения и потере его веса в политической жизни как в отдельных городах и регионах, так и в стране в целом¹³.

В 1938 г. действовало 166 профсоюзов, в 1939 г. – уже 192. В целях приближения руководства к массам верхушка профсоюзного аппарата была рассредоточена по стране: 80 ЦК союзов оставались в Москве, 10 ЦК находились в Ленинграде, 8 – в Новосибирске, 4 – в Свердловске, остальные размещались в других городах. Самый низовой и массовый слой профаппарата составляли профсоюзные активисты на предприятиях и в учреждениях.

Политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в стране в начале 1930-х гг., привела к тому, что учет численности и состава профактива до 1935 г. практически не проводился. С целью исправить это положение ВЦСПС постановил провести его единовременный учет. Согласно его данным, общая численность всех работавших на 1 марта 1935 г. составила 23 161 200 чел., из них в профсоюзах состояло 18 477 800 чел. (82%)¹⁴. Общее число учтенного низового профактива по 147 союзам (с числом работников 20 507 600 чел.) составило 538 465 чел. (сюда включались члены месткомов и цехкомов, общественные инспекторы по страхованию и охране труда, сборщики взносов, профгруппорганизаторы и т.д.). В среднем около 2,6% членов профсоюзов исполняли какие-либо функции низовой профсоюзной работы, занимая различные должности. Как правило, активисты занимались профсоюзовыми делами, совмещая их с основной работой. В среднем на 1000 работников приходилось 26 членов ФЗМК, но из них только два работника могли занимать освобожденные от основной работы должности. В целом, на освобожденные должности в профаппарате попадало около 8% избранного в низовых профорганизациях актива.

¹³ Постановления пленумов ВЦСПС (девятого созыва). (VI, VII и VIII пленумы). М.: Профиздат. 1939. С. 11.

¹⁴ ВЦСПС. Статистический справочник. Вып.1. М., 1935. С. 29.

На 1 марта 1935 г. были освобождены от обычной работы, занимая профсоюзные должности, 41 802 чел.¹⁵ Предпочтение при этом отдавалось коммунистам. Если среди всех членов ФЗМК прослойка коммунистов на 1 марта 1935 г. составляла 27,2% (по промышленным союзам – 37,4%), а комсомольцев – 12,5% (10%), то среди освобожденных работников ФЗМК коммунистов было уже 66,6% (по промышленным союзам – 71,9%), а комсомольцев – 10,8% (8,7%)¹⁶.

По мере восхождения по профсоюзной иерархии наличие партийного билета играло все большую роль. По данным на 1 февраля 1938 г., в составе членов ФЗМК коммунистов было 19,9%, а среди председателей ФЗМК – 31,8%. В составе пленумов областных, краевых и республиканских органов профсоюзов членами партии были 51,9%, в президиумах этих же органов – 64,5%; в составе пленумов ЦК отраслевых профсоюзов коммунисты составляли 66,8%, в составе президиумов ЦК – 79,9%¹⁷.

Большинство должностей в аппарате профорганов занимали мужчины, на что партия обратила особое внимание, поставив задачу активнее вовлекать в состав профаппарата женщин и молодежь. Тем не менее шансов на реальное продвижение у представителей данных социально-демографических групп было гораздо меньше, чем у мужчин. В большинстве случаев молодые люди и женщины занимали низовые должности профактива, не дававшие права на освобождение от основной работы. Если среди всех работающих женщины на 1 марта 1935 г. составляли 33,5% (а по промышленным профсоюзам – 33,7%), то среди избранных в ФЗМК их было 26,1% (по промышленным профсоюзам – 22%), а среди освобожденных работников – всего 13,5% (15,6%)¹⁸. Недопредставленность молодежи в составе работников была еще более ярко выраженной.

Верхи и низы профсоюзов: отчуждение профсоюзных масс

В середине 1930-х гг. профсоюзы оказались в глубоком кризисе, обусловленном их полным подчинением партийно-государственному аппарату и потерей авторитета у трудящихся. Прекратилась практика заключения договоров трудового коллектива с администрацией предприятия, в которых профсоюзная организация выступала как защитник интересов работников, были ликвидированы конфликтные комиссии, в которых профсоюз должен был отстаивать позиции работников по спорным вопросам [Андрюшин, 2012. С. 293–295].

Аппарат профсоюзов функционировал как часть партийно-государственного аппарата, и по существу перестал обращаться к массам, решая те или иные вопросы. Разукрупнение профсоюзов в 1934 г. прошло как чисто аппаратное мероприятие. Новые профсоюзы и их руководящие органы создавались без участия низовых профорганизаций, не в результате выборов, а путем механического распределения руководящего состава прежних союзов по центральным комитетам новых организаций. Так как этого состава не хватало для заполнения возникших вакансий, недостающие кадры просто назначались в порядке кооптации. Предполагалось, что во вновь образованных

¹⁵ ВЦСПС. Стат. справочник. Вып.1. М.,1935. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 37.

¹⁷ ВЦСПС. Стат. справочник. Вып.1. М., 1938. С. 11.

¹⁸ ВЦСПС. Стат. справочник. Вып.1. М.,1935. С. 34.

Советские профсоюзы в 1930-е годы: формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

союзах пройдут съезды, на которых будут выбраны центральные комитеты и другие руководящие органы. Однако до организации таких съездов дело так и не дошло. В итоге значительное число руководящих работников профсоюзного аппарата не были выбраны, как предписывалось уставом, а были назначены партийными органами. Например, в Западной Сибири большинство вновь созданных профсоюзных органов комплектовалось в порядке кооптации [Казаков, 1992. С. 103].

О наличии кризиса в профсоюзном движении свидетельствовало также нежелание значительной части рабочих и служащих вступать в профсоюзы. Работники не хотели платить профсоюзные взносы, к которым зачастую добавлялись сборы на различные общественно-политические кампании, взносы в другие общественные организации и т.д. Хотя руководство предприятий и профсоюзные организации пытались оказывать давление на «неорганизованных», побуждая их к вступлению в профсоюз, уровень охвата трудящихся членством в профсоюзах рос очень медленно, по отдельным регионам он значительно отставал от общесоюзного. В 1933 г. на предприятиях Урала только 60% работников состояли в профессиональных союзах (по стране – 78,8%), в 1934 г. на предприятиях Дальнего Востока – 67,8% (по стране – 79,9%)¹⁹. Среди горняков Прокопьевска (Западно-Сибирский край) в 1932 г. охват профсоюзным членством находился на уровне 56%, благодаря предпринятым усилиям по вовлечению шахтеров в профсоюз в 1933 г. удалось поднять его до 76% [Казаков, 1992. С. 92–93].

Отрыв профсоюзных «верхов» от широких масс проявлялся также в нарушении основных принципов профсоюзной демократии. Перестали проводиться даже перевыборы фабзавкомов, председатели и другие должностные лица просто назначались решением партийных органов и администрации.

Кризис стал очевидным, когда в январе 1935 г. профсоюзы объявили перевыборы фабзавкомов, не проводившиеся с 1931–1932 гг. При этом ВЦСПС фактически устранился от организации общей перевыборной кампании, поручив ЦК союзов провести ее в удобное для них время [Шверник, 1935. С. 22]. Видимо, ставший уже привычным рутинный характер профсоюзной жизни и отсутствие реального интереса к выборамнушили руководству ВЦСПС мысль, что перевыборы пройдут формально, тихо, без каких-либо эксцессов. Но неожиданно кампания была сорвана: во многих организациях никак не удавалось собрать кворум. Значительная часть трудящихся просто игнорировала профсоюзные собрания, демонстрируя тем самым огромную степень отчуждения между рядовыми членами профсоюзов и профаппаратом. Многие отказывались голосовать за предложенные аппаратом кандидатуры. Такое отчуждение рабочих от профсоюзов было ярким свидетельством формального характера советской демократии в целом, и профсоюзной в особенности [История профсоюзов..., 1969. С. 267].

Некоторые профсоюзные чиновники на местах попытались по привычке обойтись без волеизъявления рядовых членов профсоюза или даже игнорировать его, назначая «проверенных» людей на должности по своему усмотрению. Например, на Макеевском метизном заводе (Украина) председателем ФЗМК был назначен че-

¹⁹ ВЦСПС. Стат. справочник. Вып. 2. М., 1935. С. 7.

ловек, кандидатуру которого рабочие провалили на выборах. Такие факты вызывали возмущение трудящихся, обращавшихся с жалобами на профсоюзных бюрократов в партийные органы. Газета «Правда» 11 августа 1935 г. выступила с передовой статьей «Серьезный урок профсоюзам», в которой потребовала от работников аппарата восстановить нормы профсоюзной демократии.

На ситуацию с перевыборами обратил внимание И.В. Сталин, явно обеспокоенный тем, что подобная практика расходится с партийными декларациями о единстве власти и народа, превосходстве социалистической демократии и ведущей роли рабочего класса. В ходе его встречи с руководителями ВЦСПС, состоявшейся в мае 1935 г., было решено приостановить перевыборную кампанию в профсоюзах, поручить ВЦСПС подготовить политическую платформу для выборов, издав тезисы с изложением программы деятельности.

Ответственность за провал перевыборной кампании И.В. Сталин возложил на профсоюзный аппарат, который, по его мнению, не сумел подобрать кандидатов, достаточно популярных в народе. Кроме того, вождь упрекнул профсоюзы в недостатке внимания к повседневным нуждам простых людей, обвинив профсоюзных работников в отрыве от трудящихся масс. Таким образом, наличие кризиса в профсоюзах СССР было констатировано на самом высоком уровне. Негативная оценка со стороны И.В. Сталина открыла кампанию критики профсоюзов, которая развернулась в печати и на различных собраниях и конференциях²⁰. Председатель ВЦСПС Н.М. Шверник вынужден был признать «отрыв профаппарата от нужд и забот, от живой жизни рядовых членов» [Шверник, 1935. С. 11].

В итоге в перевыборной кампании фабзавкомов была объявлена пауза с тем, чтобы дать время ВЦСПС подготовить развернутую программу деятельности и на ее основе организовать и возглавить процесс перевыборов. Однако предложить действительно радикальную программу перестройки деятельности ВЦСПС не осмелился, а выходить к людям с надоевшими лозунгами долгое время не решался. Поначалу Н.М. Шверник в качестве главного тезиса перевыборной кампании предложил соответствовавший вроде бы пожеланиям И.В. Сталина лозунг «Профсоюзы – лицом к материальным и культурным потребностям рабочих». Но в ходе его обсуждений с членами ВЦСПС возникло, видимо, опасение, что такой лозунг будет расценен как возрождение тред-юнионистского уклона, за который еще недавно яростно критиковали М.П. Томского.

Пауза затянулась: ВЦСПС занимался разработкой предвыборной программы почти два года, но результата так и не было. Профсоюзные лидеры, похоже, просто боялись выдвинуть какие-либо тезисы, которые могли не понравиться И.В. Сталину; тем более что позиция последнего не была четко сформулирована. Только в 1937 г. после вмешательства специально созданной комиссии ЦК ВКП(б) была наконец-то предложена программа и проведены перевыборы фабзавкомов и других профсоюзных органов. Эта ситуация еще раз показала, что профсоюзный аппарат целиком и полностью зависел от партийных органов, а страх профсоюзных деятелей сделать что-то самостоятельно практически парализовал их волю и действия.

²⁰ См., например: Вопросы профдвижения. 1935. № 11–12.

Восстановление формальной демократии

В результате перевыборной кампании в состав всех органов профсоюзов в 1937–1938 гг. было избрано около 1 125 тыс. чел. В верхних и средних эшелонах аппарата состав обновился более чем на 90%, а в нижнем звене (фабзавкомах) – на 70%. Прежний принцип представленности коммунистов в профсоюзных органах сохранился: их доля увеличивалась по мере восхождения по ступеням иерархии. В составе профгруппоргов было 90% беспартийных, в составе ФЗМК – 80%. Среди профгруппоргов было 28% женщин и 20% молодежи. Коммунистами были 66,8% среди членов пленумов ЦК профсоюзов, а в составе пленумов областных, краевых и республиканских комитетов профсоюзов среди избранных было 51,9% членов партии [История профсоюзов..., 1977. С. 250].

Несмотря на кризисные явления в профсоюзном движении, рост численности профсоюзов и охват членством в них трудящихся продолжались. По данным статсектора ВЦСПС, на 1 апреля 1937 г. из 25 337,2 тыс. работавших на предприятиях и в учреждениях СССР в профессиональных союзах состояли 20 788,6 тыс., или 84,5%. Вместе с учащимися численность профсоюзов достигала 21 992,8 тыс. чел.²¹

Наиболее мощным «отрядом» профсоюзного движения были профсоюзы промышленности. На 1 апреля 1938 г. они объединяли 9 214,8 тыс. чел. из 11 302,2 тыс. занятых в промышленности (83,1%)²². Всего же из 26 768,3 тыс. трудящихся СССР в профсоюзы входило 21 617,7 тыс. чел. (83,5%). Таким образом, к концу тридцатых годов численность профсоюзов по сравнению с началом десятилетия выросла почти на 60%, укрепилась тенденция к увеличению охвата работников профсоюзным членством.

Извлекая уроки из кризиса середины тридцатых годов, профсоюзный аппарат старался больше не допускать нарушений порядка выборности и отчетности профсоюзных органов. В 1938 г. отчетно-выборная кампания прошла без эксцессов, состав местных и высших органов существенно обновился. В ФЗМК среди избранных оказалось от 70 до 80% новых работников, среди председателей ФЗМК – около 65%. Особенно серьезной ротации подверглись кадры профсоюзного аппарата среднего и высшего уровня (очевидно, немалую роль тут сыграли репрессии, которые коснулись, прежде всего, представителей номенклатуры). Пленумы областных и краевых профсоюзных органов были обновлены на 92%, пленумы ЦК отраслевых союзов – на 96%, президиумы ЦК – на 87% [Шверник, 1938. С. 8].

В связи с расширением функций профсоюзов возрастало число активистов, получавших возможность начать социальное восхождение по этим структурам. В 1938 г. в составе советов по социальному страхованию при ФЗМК, в комиссиях по массово-производственной и культурно-просветительной работе, по жилищно-бытовым вопросам, по охране труда и зарплате, а также в качестве профоргов работали более 4,5 млн профсоюзных активистов [Шверник, 1938. С. 9,14].

Начиная с 1937 г. изменился источник финансирования профсоюзов: если раньше они содержались за счет предприятий (на эти цели предусматривалось выделять 3% от общего объема зарплатного фонда), то теперь единственным источником

²¹ ВЦСПС. Стат. справочник. Вып.2. М.,1938. С. 16.

²² Там же.

оставались членские взносы. Это еще более актуализировало задачу сокращения количества платных работников в разрастающихся профсоюзных структурах. Одним из способов борьбы с этой тенденцией было установление жестких норм расходов на содержание платного аппарата. Так, 16 декабря 1936 г. Президиум ВЦСПС принял постановление, согласно которому на административно-хозяйственные нужды и содержание платных работников организации могли тратить не более 40% от собираемых взносов [Чупрынников, 2017. С. 123]. Второй, более радикальный способ – сокращение платных работников. Если в 1936 г. в ФЗМК на освобожденных должностях работало 56 240 чел., то по итогам выборов 1938 г. их число сократилось до 28 321 чел. [Шверник, 1938. С. 9,14], их повседневные обязанности были переложены на активистов.

Однако, несмотря на все усилия, численность профсоюзных чиновников продолжала увеличиваться так же, как в середине десятилетия. Так, согласно докладу Н.М. Шверника на X Пленуме ВЦСПС, после разукрупнения профсоюза работников государственной торговли на его основе было создано шесть новых. В результате число платных работников достигло 3 546 чел., в то время как до разукрупнения их было 2 807 человек [Шверник, 1940. С. 6].

Заключение

Оценивая процесс развития профсоюзного движения СССР на протяжении 1930-х гг., можно выделить его основные тенденции. С одной стороны, это последовательный рост численности и охвата работающих профсоюзным членством. С другой – превращение членства в профсоюзах в простую формальность, отчуждение простых членов от принятия решений и в целом – работы профсоюзных органов. Для профсоюзной элиты этот период характеризовался бюрократизацией деятельности, постепенной потерей самостоятельности и встраиванием в административно-командную систему, созданную сталинским руководством большевистской партии.

Профсоюзы все в большей степени превращались из общественной организации в часть партийно-государственного аппарата, принимая на себя функции управления производством, социального страхования трудящихся, контроля за состоянием техники безопасности, обеспечения жилищно-бытового обслуживания, медицинского и санаторно-курортного лечения. То есть они в значительной мере взяли на себя функции, свойственные обычно государственным органам или администрации предприятий.

Став частью административно-командной системы, советские профсоюзы не могли в полной мере выполнять роль защитника интересов трудящихся. Вопреки уверениям советской пропаганды, многим работникам было ясно, что профсоюзы отстаивают в первую очередь интересы государства. Это отчуждение особенно ярко проявилось в кризисе середины 1930-х г., для разрешения которого потребовалось вмешательство высшего руководства страны.

Можно только сожалеть о том, что в тридцатые годы советские профсоюзы окончательно утратили возможность стать организаторами движения, способного представлять конструктивную оппозицию государству в отстаивании интересов работающего населения, самостоятельно формировать и продвигать «наверх»

Советские профсоюзы в 1930-е годы: формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов

собственную элиту, выражающую чаяния и нужды широких народных масс. В целом для страны это обернулось утратой необходимой функции гражданского общества, что в конечном счете привело к формированию и утверждению такого общественного устройства, которое оказалось неспособным выдержать испытание временем.

Профсоюзное движение постсоветской России, к сожалению, так и не извлекло уроков из исторического опыта, и сегодня во многом повторяются те же негативные тенденции. В деле защиты интересов трудящихся Федерация независимых профсоюзов и Конфедерация труда так и не смогли завоевать такие позиции, которые позволили бы им получить признание и авторитет у государства, работодателей и работников. Формально прописанное в законодательстве право на забастовку профсоюзами практически не используется. Редкие забастовки происходят стихийно, помимо профсоюзов. Вновь возникает недоверие профсоюзных масс к работникам аппарата. Неслучайно в 2000-х гг. происходит сокращение численности профсоюзов, а оставшиеся члены организаций не проявляют большого интереса к их деятельности. В политической жизни России голоса профсоюзов практически не слышно. Руководители профсоюзов по советской традиции стремятся стать членами партии власти вместо того, чтобы создавать свои действительно независимые структуры.

Стоит отметить, что слабые позиции российских профсоюзов во многом обусловлены существующими правовыми нормами. Но и сложившиеся в советское время привычные правила поведения в этой сфере по-прежнему продолжают оказывать влияние как на деятельность профсоюзной элиты, так и на поведение рядовых членов.

Литература/ References

- Андрюшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф, 2012. 455 с.
- Andryushin, E.A. (2012). *From the history of labor legislation of the USSR and the policy of the Soviet government in the field of labor resources*. Moscow: Novyi khronograf. 455 p. (In Russ.).
- Исаев В.И. Коммуна или коммуналка. Изменения быта рабочих Сибири в период индустриализации. Новосибирск.: Наука, 1996. 172 с.
- Isaev, V.I. (1996). *Commune or communal apartment. Changes in the life of Siberian workers during industrialization*. Novosibirsk: Nauka. 172 p. (In Russ.).
- Исаев В.И. Между властью и рабочими: советские профсоюзы в период нэпа // ЭКО. 2021. № 4. С. 71–89. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–4–71–89
- Isaev, V.I. (2021). Between the Government and the Workers: Soviet Trade Unions During the NEP Period. *ECO*. No. 51(4). Pp. 71–89. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2021–4–71–89
- История профсоюзов СССР. Учебное пособие. М.: Профиздат, 1969. 415 с.
- History of Trade Unions of the USSR*. (1969). Study Guide. Moscow: Profizdat. 415 p. (In Russ.).
- История профсоюзов СССР. Учебное пособие. 2-е изд., доп. и перераб. Часть 1. М.: Профиздат. 1977. 256 с.
- History of Trade Unions of the USSR*. (1977). Study Guide. 2nd ed., supplemented and revised. Part 1. Moscow: Profizdat. 256 p. (In Russ.).
- Казаков Е.Э. Профсоюзы Сибири в 20–30-е годы. Новосибирск: НГУ, 1992. 120 с.
- Kazakov, E.E. (1992). *Trade unions of Siberia in the 20s – 30s*. Novosibirsk: NSU. 120 p. (In Russ.).

Лобок Д.В. Профсоюзы и Советское государство в условиях становления командно-административной системы (1929–1932 гг.) // Известия Российской государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 8 (34). С. 165–177.

Lobok, D.V. (2007). Trade unions and the Soviet state in the context of the formation of the command-administrative system (1929–1932). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. Social Sciences and Humanities*. No. 8 (34). Pp. 165–177. (In Russ.).

Носач В.И., Зверева Н.Д. Расстрельные 30-е годы и профсоюзы. СПб, 2007. 397 с.

Nosach, V. I., Zvereva, N. D. (2007). *The executions of the 1930s and trade unions*. St. Petersburg. 397 p. (In Russ.).

Рютин М.Н. «На колени не встану... ». М.: Политиздат, 1992. 351 с.

Ryutin, M. N. (1992). *I will not kneel...*. Moscow: Politizdat. 351 p. (In Russ.).

Шверник Н.М. Стахановское движение и задачи профсоюзов. М.: Профиздат, 1935. 31 с.

Shvernik, N. M. (1935). *The Stakhanovite movement and the tasks of trade unions*. Moscow: Profizdat. 31 p. (In Russ.).

Шверник Н.М. О выполнении решений VI Пленума ВЦСПС. М.: Профиздат, 1938. 63 с.

Shvernik, N. M. (1938). *On the implementation of the decisions of the VI Plenum of the All-Union Central Council of Trade Unions*. Moscow: Profizdat. 63 p. (In Russ.).

Шверник Н.М. Об устранении некоторых недостатков в профсоюзном аппарате и улучшении работы профсоюзных органов. М.: Профиздат, 1940. 32 с.

Shvernik, N. M. (1940). *On the elimination of some shortcomings in the trade union apparatus and improving the work of trade union bodies*. Moscow: Profizdat. 32 p. (In Russ.).

Чупрынников С.А. Профсоюзы в политической борьбе 1930-х гг.: от троцкистской «интеграции в мировую экономику» к сталинской «самостоятельной экономической единице» // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 9. 2017. № 5/1. С. 121–126.

Chuprynnikov, S. A. (2017). Trade Unions in the Political Struggle of the 1930s: From Trotskyist “Integration into the World Economy” to Stalin’s “Independent Economic Unit”. *Historical and Socio-Educational Idea*. Vol. 9. No. 5/1. Pp. 121–126. (In Russ.).

Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М.: Вече, 2007. 352 с.

Churakov, D.O. (2007). *Rebellious Proletarians: Workers' Protest in Soviet Russia (1917–1930s)*. Moscow: Veche. 352 p. (In Russ.).

Статья поступила 19.08.2024

Статья принята к публикации 20.09.2024

Для цитирования: Исаев В.И. Советские профсоюзы в 1930-е годы: формирование профсоюзной номенклатуры и отчуждение рядовых членов // ЭКО. 2025. № 1. С. 205–219. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-205-219

Информация об авторе

Исаев Виктор Иванович (Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор.

Институт истории СО РАН.

E-mail: history49@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1737-575x

Summary

V.I. Isaev

Soviet Trade Unions in the 1930s: Shaping the Trade Union Nomenklatura and Alienation of Rank-and-File Members

Abstract. The paper proceeds from the retrospective analysis of the situation of trade unions in Soviet society at the beginning of the twentieth century, begun by the author in ECO No. 4 for 2021. The study examines the development of Soviet trade unions in the 1930s. The author traces changes in their number, the coverage of trade union membership of workers at enterprises and institutions of the USSR. It shows development of trade union activists, selection of a layer of paid workers who were part of the party-state nomenclature. The gradual alienation of ordinary members from the trade union elite, most clearly expressed in the crisis phenomena of the mid-thirties, is pointed out. It is concluded that during the period under study there was a process of transformation of trade union organizations into a subordinate part of the party apparatus of the state mechanism of the USSR. Stateization of trade unions led to the loss of their real opportunities to act as an intermediary between the employee and the employer in the person of the state and the loss of the function of protecting the interests of workers.

Keywords: *trade unions; the Soviet state; USSR; trade union activists; paid employees of the trade union apparatus; party and state nomenclature*

For citation: Isaev, V. I. (2025). Soviet Trade Unions in the 1930s: Shaping the Trade Union Nomenklatura and Alienation of Rank-and-File Members. *ECO*. No. 1. Pp. 205–219. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2025-1-205-219

Information about the author

Isaev, Viktor Ivanovich (Novosibirsk) – Doctor of Historical Sciences, Professor.
Institute of History, SB RAS.
E-mail: history49@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1737-575x